

Ларри происходит при иных обстоятельствах, а философия жизни складывается под влиянием индийского учения веданты» [9, т. I, с. 22]), вряд ли можно сомневаться в том, что, создавая свой более ранний роман «Узорный покров» («The Painted Veil», 1938), Моэм, вопреки своему заявлению о том, что на замысел этой книги его навел отрывок из пятой песни «Чистилища» Данте, на самом деле хотел, отталкиваясь от чеховской «Попрыгуньи», создать своего рода английскую параллель к чеховскому рассказу, но при этом, как он создавал, потерпел в соревновании с Чеховым беспспорное и очевидное поражение.

Так же как в «Попрыгунье» Чехова, героиня романа Моэма, Кити Фейн, не любит своего мужа доктора Уолтера Фейна. Считая его заурядным человеком, она вышла за него замуж потому, что, будучи хороша собой, хотя и «быстро пленила десятка полтора мужчин», но не нашла среди них «идеального поклонника». Между тем ее младшая сестра оказалась невестой. В результате, желая опередить сестру и не остаться старой девой, Кити выходит замуж за доктора Фейна, которого до этого почти не знала, но который, искренне и горячо полюбив ее, делает ей предложение. Но после двух лет брака она решает, что ее муж — «не бог весть какая персона», и начинает ему изменять. На деле же — и это Кити понимает только после его смерти, — Уолтер, отдавший свою жизнь борьбе с холерой и умерший, заразившись ею, был, подобно чеховскому Дымову, не только выдающимся, самоотверженным врачом, но и многообещающим крупным ученым, в то время как ее любовник — заурядный сноб. Увлечение Кити имело у него всего лишь эротическую основу и было одним из ряда его многочисленных любовных увлечений, которые не мешают ему, как подобает английскому аристократу, сохранять верность родовым и семейным устоям.

Этот основной костяк своего романа, заимствованный у Чехова, Моэм усложняет, вводя в число его персонажей отца и мать героини и множество других лиц. К тому же он заставляет Уолтера уже вскоре после измены жены узнать о ней и увести Кити из Гонконга, куда они уехали из Лондона после свадьбы, в захолустный китайский город, где происходит холерная эпидемия и который покинули европейцы, а единственный врач-миссионер умер, заразившись холерой. Все это позволяет Моэму усложнить, по сравнению с Чеховым, фабулу повествования и, представив ряд этапов внутренней жизни своей героини, привлечь для осмысления ее жизненного пути мотивы даоистской философии, согласно которой жизнь каждого человека — «Путь», «вечная дорога, по которой движется все живое», дорога, идя по которой «смирняющийся будет сохранен», а «сгибающийся» выпрямлен [9, т. I, с. 341].

Однако как философские рассуждения друга покойного мужа Кити Уоддингтона (который соответствует чеховскому Коростелеву) о том, что на мир, который он уподобляет «узорному покрову», «можно смотреть без отвращения только потому, что есть красота, которую человек создает из хаоса», а отдельный человек подобен музыканту в оркестре, играющему на своем инструменте «очень скромную партию», не ведая «о тех сложных гармониях, которые из этого рождаются», так и другие утверждения автора и его героини — о красоте жизни католических монахинь, жизнь которых «крест, который они несут добровольно» во имя будущей вечной жизни, хотя их вера в нее и может оказаться «иллюзией» [9, т. I, с. 340, 341], равно как восторжествовавшее над обоими этими идеалами в конце романа желание Кити посвятить свою жизнь отцу с тем, чтобы они оба (пройдя через опыт ошибок и заблуждений и в результате научившись состраданию и милосердию), помогали друг другу [9, т. I, с. 373, 374], остаются, в конечном счете, лишь внешними привесками к фабуле романа. Они заявлены в разговорах и размышлениях действующих лиц, но не вытекают из художественной ткани произведения.

В отличие от «Узорного покрова», «Попрыгунья» Чехова кажется с первого взгляда до предела простой и непритязательной. Однако сколько глубины и емкости в рассказе, где все герои — живые, индивидуальные лица определенной эпохи русской жизни и, несмотря на это, какая бездна жизненной мудрости